

такое чудовище не должно быть терпимо въ его чертогахъ, а суждено исчезнуть въ облакахъ грѣха и срама.

Когда онъ былъ вытолканъ отъ Далай-ламы, ему оставалось пристроиться только на высяхъ «Да цинъ» (Римъ), куда онъ и прибылъ благодаря какой-то невидимой силѣ. Тутъ, въ кругу западныхъ ханжей, «Ли ма шэнъ» зажилъ-было въ волю; но, къ несчастью, къ нему былъ вскорѣ назначенъ какой-то педантъ въ наставники. Твердя только свои каноны, педантъ съ презрѣніемъ относился къ великому ученію Конфуція и, понюхавъ табаку, фыркалъ при каждомъ разѣ, когда «Ли ма шэнъ» приступалъ къ своему обряду поклоненія предкамъ. Имъ были видимо недовольны, и въ наказаніе, наконецъ, было прекращено давать рисовую кашу, замѣнивъ ее говядиной, къ которой «Ли ма шэнъ» прикасался съ чувствомъ омерзѣнія. Затѣмъ, онъ отъ кого-то пронюхалъ, что высшіе іерархи въ «Да цинъ» уже не разъ писали на другія небеса, предлагая взять отъ нихъ столь скверную душу. Но, такъ какъ онъ уже тамъ побывалъ и отовсюду былъ выгоняемъ, то въ «Да цинъ» вынуждены были порѣшить отдѣлаться отъ «Ли ма шэна» безъ всякой посторонней помощи. Такъ, въ одну счастливую ночь, когда «Ли ма шэнъ» на отрѣзъ отказался идти въ собраніе слушать каноны, въ его келью явились десятокъ гайдуковъ. Схвативъ «Ли ма шэна» за ноги, какъ поросенка, они вышвырнули его вонъ, словно мячикъ. И на этотъ разъ не обошлось безъ чуда: «Ли ма шэнъ» упалъ прямо во дворъ своего дома въ Пекинѣ.

Я долженъ сказать, что изъ разсказа мной выпущены многія сцены, видѣнныя «Ли ма шэнъ» въ Римѣ и у мусульманъ. Въ этихъ сценахъ авторъ не стѣсняется ничѣмъ.

К. Скачковъ.